

Алексей МАШЕВСКИЙ

ТАК КОНЧИЛАСЬ ЛИ ИСТОРИЯ?

Вообще говоря, «конец истории» как прекращение привычного течения жизни человеческого общества с присущими ему конфликтами, войнами, социальной несправедливостью, страданиями остается на протяжении вот уже двух тысяч лет стержневой идеей европейской культуры. С христианской точки зрения всех нас ждет Страшный суд, после которого каждый из появившихся на свет со времен сотворения Мира получит свое воздание. Фактически речь идет о такой исторической перспективе, в которой Божье творение будет окончательно избавлено от греха.

К своей «окончателности» ведут и другие прогрессистские модели развития (напомню, что первой была именно христианская, получившая свое освещение еще в трудах Блаженного Августина). Так просветители видели конечную задачу общественного прогресса в овладении полнотой знания о Мироздании и удовлетворении всех потребностей человека. Марксисты уповали на построение бесклассового общества и прекращение классовой борьбы — движущей силы истории. Идеологи Третьего рейха надеялись на мировую гегемонию представителей высшей расы, вод властью которых все социальные и межэтнические противоречия окажутся преодолены (неважно, что путем устранения расово неполноценных).

В 1989 году американский политолог Фрэнсис Фукуяма опубликовал в журнале «The National Interest» эссе «Конец истории?», ставшее основой для позже изданной им книги «Конец истории и последний человек». В ней высказывалось предположение, что либеральная демократия является кульминацией исторического развития человечества, а глобализация и распространение западных ценностей на весь земной шар сделает дальнейшее сосуществование людей бесконфликтным. В своем эссе Фукуяма писал: «Этот триумф Запада, триумф западной идеи проявляется прежде всего в полном истощении некогда жизнеспособных альтернатив западному либерализму. <...> Наблюдаемое ныне — это, возможно, не просто окончание холодной войны или завершение какого-то периода всемирной истории, но конец истории как таковой; иначе говоря, это финальная точка идеологической эволюции человечества и универсализация либеральной демократии Запада как окончательной формы правительства в человеческом обществе»¹.

По сути дела, эта чисто посмодернистская идея, видящая в любой идеологии (кроме, разумеется, своей собственной²) угрозу авторитаризма и социальной конфликтно-

Алексей Геннадьевич Машевский родился в 1960 году. Поэт, автор девяти книг стихов. Живет в Санкт-Петербурге.

¹ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3.

² Нужно ли пояснять, что воззрение, согласно которому любая идеология вредна и опасна, само является идеологией, впрочем, весьма специфической, подрывающей собственные основания!

сти, явилась прямым продолжением еще просветительской установки. Вольтер и его соратники держали под подозрением не только религию, но и саму культуру за их склонность апеллировать к Истине, следовательно, подчинять жизнь человека высшим ценностям, которые в рамках другой культурной или конфессиональной парадигмы оказывались иными³. Животные не воюют между собой (что не мешает им, однако, встраиваясь в соответствующие пищевые цепочки, поедать друг друга), потому что у них нет ни религии⁴, ни идеологии, ни культуры в антропологическом ее понимании. Волк охотится на зайца не потому, что у них разные системы ценностей, а потому, что для того, чтобы выжить, хищнику необходимо добыть свежего мяса. Но он никак не заинтересован в полном уничтожении заячьей популяции и, конечно, не станет устраивать поголовную резню длинноухих подобно тому, как это проделали с гугенотами католики в ночь святого Варфоломея (или нацисты с лицами соответствующей национальности, приняв концепцию «окончательного решения» еврейского вопроса).

Следовательно, выход из исторической реальности (предполагающей катаклизмы войн, революций, идейных переворотов, социокультурных потрясений) видится в деконструкции любых человеческих ценностных вертикалей. А это, по сути дела, означает переход к существованию общества в режиме биоценоза, в котором нет смысловых иерархий, зато есть биофизиологические⁵. Я сейчас не буду даже задаваться вопросом, к каким последствиям должна привести деградация культурной матрицы, без которой невозможно воспроизводство антропологического феномена. Собственно, ответ понятен: к прекращению его воспроизводства, то есть к расчеловечиванию. Меня интересует, насколько вообще достижимы подобные цели? Здесь же наблюдается полная аналогия с любой физической или биологической системой, которая остается живой лишь до тех пор, пока в ней имеет место разнообразие, проявляющееся через структурную и энергетическую неоднородность, определенную разность потенциалов, обеспечивающую протекание процессов обмена, понижающую энтропию. Стремление к внутренней безконфликтности системы равноценно переводу ее в режим «тепловой смерти». Что, собственно, и должно произойти с человечеством в случае тотальной глобализации, уравнивающей (а точнее, растворяющей) в потребительской унификации все прежние локальные культуры, религии, системы идеологических ориентаций.

Во многом этот результат и был достигнут экспансией Запада в конце XX — начале XXI века, когда после крушения социалистического лагеря на планете остался один гегемон, распространяющий свою либерально-постмодернистскую (при этом забавно, что еще и «плюралистическую») идеологию повсеместно. «Конец истории печален, — пишет Владимир Биbihин. — Нет ни искусства, ни философии, повсюду только с утомительным напряжением охраняемый музей культуры. Среди предупре-

³ Европейским просветителям в XVIII веке удалось нанести смертельную рану христианству, к XXI веку в своих конфессиональных формах (но не в евангельском Откровении, конечно!) основательно деградировавшему. Однако в XIX столетии иерархии смыслов возродились в квазирелигиозной форме конкурирующих идеологий. Их столкновение оказалось не менее катастрофичным, чем войны за истинную веру XVI—XVII веков. По этой причине во второй половине XX века постмодерн и принялся «добывать» идеологии. Точнее, сводить (через идею конвергенции, ризомы и пр.) их разнообразие к одной: либерально-демократической, глобалистской.

⁴ Во всяком случае в первом приближении.

⁵ И тогда не надо спрашивать, почему крупный хищник, вроде США имеет возможность через выпуск резервной валюты экспортировать свою инфляцию по всему миру. То есть почему так называемый «золотой миллиард» в буквальном смысле пожирает ресурсы остальных 90 % человечества. В деиерархизированном в смысловом отношении обществе и индивид, и отдельные сообщества оказываются всего лишь элементами пищевой цепочки.

дительного, изобильного благополучия человек в самом центре сегодняшней цивилизации витрины и экрана томится ностальгией по прошлому, когда, по воспоминаниям, задавали тон готовность рисковать жизнью ради чистой цели, отвага, воображение, идеализм»⁶. Даже сам Фрэнсис Фукуяма отчасти удручен подобной перспективой. В своей знаменитой статье идеолог «конца истории» неожиданно проговаривается: «Признавая неизбежность постисторического мира, я испытываю самые противоречивые чувства к цивилизации, созданной в Европе после 1945 года, с ее североатлантической и азиатской ветвями. Быть может, именно эта перспектива многовековой скуки вынудит историю взять еще один, новый старт?»⁷

В общем-то, история только такими «новыми стартами» и полнится. Наступают они обычно после того, как достигающая пика своего развития, выработавшая «самую гуманистическую» систему ценностей, распространившаяся на значительную территорию цивилизация впадает в гомеостаз. Тогда-то как раз и приходят «варвары», не желающие считаться с, казалось бы, навсегда установленными и разделяемыми всеми прогрессивно мыслящими людьми правилами. И историческая функция этих «варваров» состоит в том, чтобы не допустить «тепловой смерти» системы, снова актуализировать внутреннюю конфликтность существования человечества как *живого единства различного*. Собственно, и слово «варвары»⁸ я здесь закавычиваю по той причине, что таковыми они считаются лишь теми, кто кровно заинтересован в сохранении *правил* (как бы красиво они идеологически ни оформлялись), при которых проживающие в странах ядра мир-системы Модерна (или, по выражению одного из руководителей Евросоюза, *цветущего сада*) получали экономические и политические преимущества по сравнению с теми, кто имеет несчастье относиться к ее периферии.

То, что история никак не желает заканчиваться, продемонстрировали многочисленные конфликты, которыми полнится наступившая после 1945 года *Эра мирного существования*, которая (что вполне иронично) также была названа *холодной войной*. Корея и Вьетнам, несколько арабо-израильских конфликтов, Великая африканская война (1998–2002), унесшая жизни пяти миллионов человек и тлеющая на территории Конго до сих пор, бесконечный конфликт в Афганистане, расчленение Югославии, ирано-иракская война, вторжение западной коалиции в Ирак, спровоцированные цветными революциями боевые действия в Ливии и Сирии... И это только самые заметные индикаторы того, что история с ее агрессивностью никуда не делась. Другое дело, что в рамках принятой либеральным обществом политкорректности данный факт запрещено признавать. Что по понятным причинам вполне вписывается в идеологию «цветущего сада», вытесняющую все эксцессы, противоречащие генеральной глоба-

⁶ Бибихин В. В. Новый Ренессанс // Собрание сочинений. Т. 3. <https://litresp.ru/chitat/ru/Б/bibihin-vladimir-veniaminovich/sobranie-sochinenij-tom-iii-novij-renessans/2?ysclid=lu0003agif835997299>.

⁷ Фукуяма Ф. Там же.

⁸ Само понятие «варвар» связано с древнегреческим шовинизмом, получившим обоснование в столь значимых для западного менталитета трудах Аристотеля. Стагирит полагал, что собственно человеком может считаться лишь тот, кто принадлежит к эллинской культуре. Те же, кто находится вне нее — варвары, ибо, будучи людьми по своему облику, в поведении воспроизводят закономерности, свойственные, скорее, природе. Аристотелю было невдомек, что у скифов, персов или индийцев имеется *своя культура*. Удивительно, что современные либеральные демократы вроде бы должны быть осведомлены о данном обстоятельстве. Однако это не мешает им вслед за древнегреческим философом претендовать на единственно правильное толкование таких понятий, как «свобода индивида», «права человека», «демократические выборы», и настаивать на соблюдении всеми, в том числе «не вполне цивилизованными», странами так называемых *правил*.

листской повестке в так называемые «джунгли»⁹. К тому же слово «война» в тех конфликтах, которые развязывал Запад, было табуировано и заменялось разного рода эвфемизмами. Так агрессия англо-американской коалиции против Ирака в 2003 году получила наименование «военной операции» под красивой вывеской «Иракская свобода». К слову сказать, обретение оной стоило местному населению за все годы оккупации, по разным оценкам, от ста тысяч до миллиона погибших.

Однако слом представлений о «конце истории» произошел в западном сознании только в феврале 2022 года после начала активных боевых действий на Украине¹⁰. Трагизм происходящего, болезненный для каждого нормального человека, тем не менее служит индикатором того, что исторический процесс со всеми его опасностями, смертельными ловушками, напряжениями, сменой лидеров и идеологических парадигм продолжается. А это одновременно означает, что «тепловая смерть» человечеству пока не грозит. Другое дело, что теперь ему вполне угрожает термоядерное уничтожение.

Происходящее заставило ряд интеллектуалов заговорить о возвращении к «исторической нормальности», в частности о необходимости легитимизации войны. Собственно, еще Гераклит говорил о том, что война — отец всех вещей, имея в виду, конечно, не смакование кровавых ее особенностей, а тот очень хорошо известный каждому эллину факт, что жизнь — это по большому счету агон: противостояние и противоборство.

Нет сомнений, что любое историческое развитие, вовлекающее в сложную систему соперничества субъектов международных отношений, каждый из которых имеет свои интересы, потенциально конфликтно. Эта конфликтность в зависимости от конкретных политических, экономических, социокультурных условий может разрастаться до масштаба мировых войн. Что, конечно, весьма прискорбно, но при всем нашем желании не может отменить того факта, что вся мировая история, какой мы ее знаем, по крайней мере со времен мезолита, представляла собой практически непрерывную цепь военных столкновений. Как утверждает в книге Ефима Лихтенштейна «Слово о науке», за последние пять тысяч лет существования человечества, доступных нашему анализу, только 292 года можно считать мирными¹¹.

Автор приводит также такие данные: в более чем 15 тысячах военных конфликтов погибло 3 миллиарда 640 миллионов человек. Жуткая цифра. Но как ни странно, это не так много, поскольку, по подсчетам специалистов, за всю историю человечества на Земле народилось на свет около 107 миллиардов людей. Следовательно, войны унесли жизни не более 3,4 % населения. Эпидемии значительно больше¹².

⁹ Досадным нарушением правил стали в 1999 году бомбардировки силами НАТО расположенной в самом центре Европы Югославии. Разумеется, и эта акция неприкрытой агрессии получила благородное название «гуманитарной интервенции».

¹⁰ Их тоже назвали «специальной военной операцией». И это закономерно. Во-первых, на официальном уровне приходится говорить на том языке, на котором предпочитают обозначать свои действия все остальные. И во-вторых, разворачивающийся на Украине конфликт действительно обдает ярко выраженной спецификой: в частности, потери в нем мирного населения значительно меньше потерь непосредственных участников боевых столкновений. Насколько я помню, во всех войнах предыдущего периода соотношение было прямо противоположным.

¹¹ Лихтенштейн Е. Слово о науке. М., 1976.

¹² Так, например, только вирус черной оспы и в одном только XX веке убил от 300 до 500 миллионов человек, туберкулез в XIX веке стоил Европе четверти ее взрослого населения, а в XX столетии от него погибло, по меньшей мере, 100 миллионов (<https://news.rambler.ru/other/40968698-smertelnye-bolezni-kotorye-izmenili-mir/>). На самом деле это та цена, которую платит человечество за приобретение коллективного иммунитета против патогенов, что помогает выживать популяции в целом. В принципе, и жертвы войны можно рассматривать как цену, которую платит человечество за иммунитет к деградации в «стоячих водах» остановившейся истории. Почему наше сознание мирится

Поэтому если рассматривать конфликтность истории как залог развития человечества с сугубо практической (и циничной) точки зрения, придется признать, что оплачивается прогресс «по тарифу» в целом для устойчивого существования популяции приемлемому. Другое дело, что он неприемлем для тех, кого история обрекает на гибель. И это извечный вопрос, который с впечатляющей глубиной был поставлен Пушкиным в «Медном всаднике»: как бы мы ни хотели, но, по-видимому, никогда не удастся соблюсти баланс между правом индивида на свое маленькое человеческое счастье и правом человеческой общности завоевывать пространство и стремиться к коллективному бессмертию (каким бы иллюзорным оно ни казалось).

Попытка построить бесконфликтный мир утопична и опасна, просто потому, что итогом своим имеет прекращение социального и политического развития человечества, следовательно, его деградацию¹³. Политик, демонстративно игнорирующий данное обстоятельство, с неизбежностью обрекает себя либо на лицемерие, либо на поражение в столкновении с реальностью. Собственно, по этой причине некоторые и предлагают легитимизировать войну, признать ее неизбежность как трагической, но неотменимой составляющей человеческой истории. Вполне логично. Но, как мне представляется, прометчиво.

Проблема в том, что научно-техническое развитие человечества привело нас сейчас в ту точку, в которой традиционная история с ее агрессивным способом установ-

с неизбежностью пандемий, но восстает против войны как имманентного компонента разрешения геополитических противоречий? Потому что в первом случае мы, как нам представляется, имеем дело с внешними факторами природного генезиса, тогда как во втором — с проявлением человеческой активности, носящей античеловеческий характер. Это, конечно, так. Беда лишь в том, что человеческая деятельность на уровне социальных общностей подчиняется совсем нечеловеческим (то есть не этически обоснованным) закономерностям. Это еще в XVI веке понял Макиавелли. К сожалению, данную реальность невозможно отменить, но ее весьма важно учитывать, например, выстраивая политику отношений со своими соседями. Потому что, только исходя из реальности, конфликт можно предотвратить либо же число его жертв минимизировать.

¹³ Эта попытка и была осуществлена в процессе запущенной еще в XVIII веке глобализации. Предполагалось, что в мире, охваченном рыночной экономикой и исповедующем единые либерально-демократические принципы, останется один гегемон, который и будет гарантом подавления любых разгорающихся где-либо конфликтов. После распада СССР и мировой социалистической системы в начале 1990-х годов роль такого общемирового «смотрящего» присвоили себе США. Однако они с ней явно не справились. По ряду причин. Во-первых, оказалось, что западная элита не желает ни с кем делиться своим привилегированным положением и обретенное господство использует не столько для поддержания справедливого равновесия, сколько для перераспределения мировых ресурсов в своих интересах (вообще говоря, согласно Иммануилу Валлерстайну, элита ядра капиталистической мир-системы и не может поступать иным образом). Во-вторых, сами диспропорции развития такого глобализованного мира (потому что его экономика может функционировать лишь благодаря перераспределению ресурсов от периферии к центру) со временем приводят к возникновению других полюсов экономической и политической силы, которые бросают вызов гегемону. Если бы США действительно были заинтересованы в сохранении мировой стабильности, они просто должны были уступить свою роль новому лидеру, каковым многие считают Китай. Но проблема в том, что, во-первых, КНР, скорее всего, не сможет справиться с такой ролью. И во-вторых, Соединенные Штаты любыми путями желают сохранить свое лидирующее положение. Тем самым из гаранта бесконфликтного развития цивилизации превращаются в наибольшую угрозу ее мирному существованию.

Но характерно, что за прошедшие 30 лет квазиглобализма и господства одного мирового центра принятия решений произошло эпохальное падение уровня образования, причем как раз в тех странах, которые оказались близки к чаемому идеалу либерально-демократической бесконфликтности. Невооруженным глазом заметна деградация правящих элит и обслуживающих их экспертных сообществ. Экономика оказалась на грани коллапса.

ления политических реалий оказывается слишком опасной. Война как метод выяснения отношений, опирающийся на право сильного, когда стороны во взаимной борьбе идут до конца, в ядерную эпоху становится нерелевантной. В итоге применения оружия массового поражения определяется не победитель, а степень деградации оставшегося в живых населения. Если понимать *войну* как систему действий против врага, предполагающую достижение победы любой ценой, а в силу этого не имеющую запретов и ограничений, то сейчас таковая невозможна. Во всяком случае, она перестает быть инструментом исторической балансировки сил, делаясь орудием прямого самоуничтожения.

Если же предположить, что из уравнения межгосударственных конфликтов убирается «ядерная составляющая» (хотя кто может поручиться за это!), то речь идет уже не о войне, а о неких формах конвенциональной борьбы, предполагающей запрет на пересечение «красных линий» (после которых сторона, обладающая оружием массового поражения, выкладывает на стол свой «последний аргумент» с почти мгновенными катастрофическими последствиями для всех обитателей земного шара). Таким образом, геополитическая борьба переводится в режим своеобразного «спортивного состязания» с достаточно четко установленными граничными правилами. Принципиально, что противники в этом случае в некотором роде признают правомочность действий друг друга, сохраняя взаимоуважение¹⁴. Тогда как демонизация врага, нагнетание ненависти и патриотической истерии — признаки войн постпросветительского времени (как раз когда война усилиями прогрессивно настроенных людей доброй воли стала считаться аномалией): войн тотальных, бескомпромиссных, не брезгующих никакими средствами.

Здесь очень важен культурологический анализ ментальных оснований действий соответствующих геополитических акторов. Хочу обратить внимание, что особенно опасным становится недоучет иррациональных побудительных мотивов поведения носителей тех или иных культурных традиций. Так русское сознание, с его запросом на достижение справедливости любой ценой, склонно воспроизводить «комплекс Медеи»: когда ради обличения неправды, царящей в мире, вполне допустимо спалить этот мир дотла (вместе со всем тем, что лично для тебя было драгоценно и дорого). С другой стороны, не стоит и преувеличивать прагматизм западного мышления, якобы всегда исходящего из рациональных оснований (чего-чего, а рационализма в большинстве политических решений лидеров атлантического альянса сейчас не просматривается). Скрытым стержнем всей их либерально-демократической системы является унаследованная еще с античности и многократно усиленная кальвинизмом убежденность в собственной исключительности, богоизбранности, неизменным свидетельством которой выступает историческая успешность. С этой точки зрения проиграть для Запада означает отказаться от собственной культурной идентичности. И вот что они предпочтут: пренебречь ею или умереть?

Хочу заметить, что стороне, которая способна пойти на самоубийственные решения, вообще можно особенно не заботиться о развитии разнообразных средств обороны. Достаточно обзавестись достаточным ядерным потенциалом для гарантированного уничтожения планеты, а после шантажировать своих соперников угрозой применения «последнего аргумента». Правда, если на подобные радикальные действия готовы пойти и другие участники конфликта, мы попадаем в самый настоящий гео-

¹⁴ Тем самым происходит возвращение к средневековым формам ритуализированной рыцарской войны. Впрочем, в исторической перспективе не стоит преувеличивать ее рыцарственность. Распространялась она, как мы знаем, лишь на представителей высшего сословия.

политический тупик по типу Карибского кризиса. Вероятно, это как раз и есть будущее мировой политической системы: балансировка на острие ножа. Понятно, однако, что не соскользнуть в пропасть в таких условиях можно лишь при высочайшей квалификации правящих элит. А вот с этим как раз сейчас большие проблемы.

Мы приходим к противоречию. С одной стороны человечество должно развиваться как единство разнообразия, что предполагает внутреннюю конфликтность, исторически реализуемую через войны. С другой — война в ее прежних неконтролируемых формах становится для планеты смертельно опасной. Эта ситуация, с моей точки зрения, означает, во-первых, необходимость легитимизации конфликтности, введения ее в поле рефлексии, глубокого культурологического анализа, выявления опасений и стремлений всех субъектов мировой политики¹⁵ и, во-вторых, переход к неким паллиативным способам разрешения противоречий, так сказать, к контролируемой агональности. Последняя должна, в частности, предполагать, что у геополитических игроков нет задачи *уничтожения* своих противников. Более того, эти противники абсолютно необходимы для сохранения собственной «спортивной формы». Значит, речь идет о достижении таких успехов, которые могут быть приняты противоборствующей стороной без риска потерять лицо, тем более без угрозы вовсе исчезнуть с исторической сцены.

К сожалению, представители сегодняшних элит не демонстрируют необходимой способности к подобному самоконтролю и широкому аналитическому мышлению, преследующему не только узкие национальные интересы, но и задачи, связанные с выживанием человечества в целом. Прежде всего необходим переход от черно-белого биполярного сознания, работающего по принципу *мы или они*, к комплементарному, понимающему, что за каждой из конфликтующих сторон стоит своя правда. И сражение идет не между истиной и ложью, но между двумя сторонами одной Истины (или же, что опять-таки верно, между их и нашей неправдой, которой становится правота, испепелившая реальность в своей претензии на единственность). Но кто же сейчас готов к такому ментальному переходу?!

¹⁵ Сегодня требуется качественно иной уровень дипломатии, оснащенной всеми ресурсами культурологического, научного и философского знания.